

В кабине пилота Сирил резко вскочил с кресла, едва не впечатавшись лбом в голографический экран перед собой.

Он впился взглядом в Линь Юй, и на его вечно насмешливом лице впервые проступило выражение, в котором смешались ужас, иступление и капля... страха.

Его феромоны с запахом ржавчины окончательно вышли из-под контроля: яростный аромат пороха и тяжелый металлический дух переплелись в хаотичный, тошнотворный шторм.

Через внешние динамики все услышали его голос — срывающийся, похожий на бред, полный предельного потрясения:

— ...Высокоуровневая... реструктуризация материи...?

— Нет... нет, это... что это такое...?

Грохот — это дверь кабины Бедствия с треском вылетела внутрь, выбитая ударом ноги.

На глазах у изумленной толпы Сирил даже не воспользовался штатным трапом, а просто спрыгнул с высоты нескольких метров.

Приземлившись, он слегка пошатнулся. Лицо его было бледным и мокрым от пота, но глаза горели пугающим, почти неистовым огнем.

Он полностью проигнорировал обломки двери, которые сам же и разбросал, не замечая никого вокруг, и направился напрямик к барьеру Линь Юй.

Шторм его феромонов утих, но густой запах ржавчины остался, утратив свою агрессивность и приобретя нечто подобострастное, почти молящее о близости.

Он остановился перед барьером Линь Юй, всего в шаге от нее.

Больше не пытаясь атаковать, он протянул руку и кончиками пальцев, слегка дрожа, едва коснулся полупрозрачной преграды.

Ощущение, словно удар током, заставило его вздрогнуть.

Его кадык судорожно дернулся, голос стал хриплым и неузнаваемым. В нем не осталось ни грамма суровости наставника — он походил на фаната, который впервые увидел своего кумира и от волнения потерял дар речи.

— ...Еще не... время... еще не пришло.

Он поднял голову. В глазах, где всегда плясали безумие и насмешка, теперь застыли обожание и трепет. Он смотрел на барьер Линь Юй, словно сквозь эту мягкую пелену поклонялся истинному божеству, скрытому внутри.

— Можешь спать столько, сколько захочешь, — раздался голос Линь Юй. Он был ясным, спокойным и исполненным довольной лени. — Я выспалась, проголодалась. Урок окончен?

Эта фраза прозвучала как команда.

Полупрозрачный барьер из застывших феромонов, окутывавший Линь Юй, начал бесшумно таять.

Они не исчезли внезапно: подобно утреннему туману под лучами солнца, барьер из твердой субстанции превратился в полупрозрачную дымку, а затем — в россыпь священных белых световых частиц, которые медленно втянулись обратно в тело Линь Юй.

Ее стройная, прямая фигура вновь предстала перед всеми.

Боевой костюм был безупречно чист, высокий хвост слегка покачивался при движении. Она склонила голову набок и потянулась, отчего ее суставы тихо хрустнули. Движения были настолько естественными, будто она действительно только что проснулась после приятного дневного сна.

Она даже зевнула, и в уголках глаз выступили слезинки.

А перед ней Сирил застыл, словно окаменев.

Он смотрел на Линь Юй, на ее до странности спокойное лицо, на ее ясные глаза, в которых, казалось, ничего не отражалось. Ее вопрос — Урок окончен? — прогремел в его голове.

Урок?

Он задействовал меха S-класса, применил высокоэнергетическое оружие, запрещенное к обороту, почти разнес половину тренировочного полигона, а в итоге был полностью раздавлен ею самым невероятным образом, его картина мира рассыпалась в прах... А она восприняла это как обычный, даже немного скучный урок, во время которого можно было доспать.

Небывалая смесь жгучего стыда и исступленного восторга ударила Сирилу в лицо.

Он мгновенно покраснел до самых корней волос. Резко отступив на шаг, он засуетился, не зная, куда деть руки, словно провинившийся ребенок.

— У... урок! Да, урок окончен! — почти прокричал он, срываясь на визг от волнения и паники. Он судорожно нажал на коммуникатор, вещая на весь полигон сбивчивым, торопливым тоном: — Всем внимание! Сегодняшнее практическое занятие... завершено! Разойтись! Немедленно разойтись!

Он запнулся и, в упор глядя на Линь Юй, выпалил:

— Ты... ты проголодалась? Что хочешь съесть? Питательный рацион из столовой? Или... или мне отвезти тебя в ресторан за пределами академии? Я знаю один закрытый частный ресторан, их молекулярная кухня...

Она голодна! Это шанс! Я обязан им воспользоваться! Если ради обеда с ней нужно разобрать Бедствие на винтики — я сделаю это! Пожалуйста, согласись...

— Прости, у меня нет привычки обедать с другими.

Спокойный, вежливый отказ.

Словно ведро ледяной воды вылили на сердце Сирила, пылавшее восторгом и предвкушением.

Краска мгновенно отлила от его лица, глаза, еще миг назад горевшие пугающим блеском, потускнели.

Секунду назад он жестикулировал и взалхлеб расхваливал рестораны, а теперь застыл на месте, как кукла, из которой выкачали всю энергию.

Линь Юй даже не взглянула на него. Сказав это, она зашагала прочь, к выходу с полигона. Шла она не быстро, ровным шагом, будто этот невероятный поединок и стоящий рядом убитый горем Альфа-инструктор S-класса были лишь незначительным пейзажем по пути к обеду.

Проходя мимо, она обдала его легким ветерком, в котором чувствовался тонкий, свежий аромат маракуйи.

Для Сирила этот запах оказался губительнее любой ментальной атаки.

Он резко обернулся, глядя на равнодушную спину уходящей Линь Юй. Губы его беззвучно шевелились, но он не мог вымолвить ни слова.

На лице, где всегда играла дерзкая улыбка, впервые застыло выражение растерянности и боли, словно его бросили.

Он протянул руку, словно пытаясь что-то ухватить, но она бессильно упала.

Он — Сирил.

Безумец академии Синъяо, первоклассный Альфа, существо, вызывающее у всех преклонение и страх.

Впервые в жизни он так низко и неуклюже пытался кому-то понравиться. И получил такой прямой, такой окончательный отказ.

Новобранцы вокруг боялись даже дышать. Они смотрели то на невозмутимую спину Линь Юй, то на инструктора, выглядевшего так, будто весь мир отвернулся от него, и чувствовали, что этот мир сошел с ума.

Линь Юй не обернулась. Для нее сон и еда были базовыми потребностями для поддержания жизни, а Сирил не тянул даже на легкую закуску перед обедом.

Она дошла до огромных стальных ворот полигона, готовая покинуть этот хаос. И когда все решили, что спектакль окончен, она остановилась, не оборачиваясь.

— Кстати, не забудь поставить оценки мне и остальным студентам. Спасибо, инструктор.

Голос ее оставался таким же ровным, как будто она просила не забыть выключить свет, выходя из комнаты.

Для Сирила, находившегося на грани краха, эти слова стали точным ударом в сердце.

Он резко вскинул голову, и в его потухших глазах снова вспыхнули искры недоверия.

Оценки?

Он думал, что Линь Юй отказала ему, потому что ей было плевать на все: на его заигрывания, на его внимание, даже на само его существование. Он уже приготовился к тому, что его окончательно проигнорируют и забудут.

Но Линь Юй упомянула оценки.

Что это значит?

Она помнит! Она помнит о пари! Она помнит, что обещала другим студентам добиться для них выгоды!

Она не божество, не бездушная статуя. Просто... ее внимание никогда не было сосредоточено на нем.

То грандиозное шоу, та фраза про сон, тот холодный отказ — всё это для нее было лишь этапом выполнения задачи по получению баллов для сокурсников.

Она использовала его вместе с его мехом S-класса Бедствием как... инструмент для набора баллов.

Чувство, в сто раз сильнее прежнего разочарования, — смесь стыда, абсурда, досады и странного, дикого восторга — захлестнуло Сирила.

Он проиграл. Проиграл вчистую, до последнего клочка достоинства. Он не просто потерял гордость — он даже не удостоился чести стать для Линь Юй достойным соперником. Он был лишь... NPC, инструментом, который Линь Юй использовала, чтобы «прокачать» баллы, а затем выбросила за ненадобностью.

Но... она помнит о пари. Она заговорила со мной. Она даже сказала спасибо.

Это осознание, словно удар молнии, пронзило его хаотичные мысли.

Вдруг он тихо рассмеялся, смех становился всё громче, пока не перешел в почти безумный хохот.

Он закрыл лицо руками, плечи его мелко дрожали. Феромоны ржавчины снова бесконтрольно хлынули наружу, но теперь это не была ни атака, ни мольба — это был чистый, иступленный восторг человека, нашедшего новую игрушку.

Он резко развернулся и зашагал к почти уничтоженному Бедствию.

Присев перед грудой металлолома, он поднял осколок, все еще хранивший слабый аромат ее феромонов, и поднес к глазам. Взгляд его был безумным и одержимым.

— Оценки... конечно, оценки! — Его голос, транслируемый через включенную систему вещания, был пропитан нескрываемым смехом и дрожью. — Всем студентам, участвовавшим в представлении — высший балл! А что касается тебя... Линь Юй... свои баллы я тебе «передам» лично.

На слове «лично» он сделал особый акцент, вложив в него нечто опасное и маниакальное.

Он нашел новую игру.

<http://bllate.org/book/18736/1811808>